

ОТЕЧЕСТВО

VII 1915

1-й экз.

№13

ЦЕНА 10 К.
НА СТАНЦІЯХ
Ж.Д. 12 К.

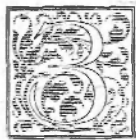
ПЕТРОГРАДЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАДСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА

Р

1915

НѢКОТОРЫЕ ИТОГИ.

АКОНЧИЛСЯ зимній периодъ кампаніи, и военныя и политическія обозрѣватели подводятъ итоги тому, что дали Россіи проведенныя на поляхъ сраженій девять мѣсяцевъ. Но за громомъ пушекъ и взрывающихся бомбъ, за всей лихорадочной дѣятельностью войны въ тѣсномъ смыслѣ этого слова не должны быть забыты и другіе итоги — итоги культурной, скромной работы на мѣстахъ тѣхъ гражданъ, которые, не принимая непосредственнаго участія въ войнѣ, взяли на себя другую роль — заботу о покинутыхъ семьяхъ воиновъ.

Послѣ перваго ошеломляющаго впечатлѣнія отъ брошеннаго Гермашей вызова, послѣ первыхъ дней національнаго подъема въ периодъ объявленной мобилизаци, возникъ немедленно жизненный вопросъ о судьбѣ семей уходящихъ на войну, и общественное сознание оказалось достаточно оформленнымъ, чтобы широкіе круги бѣднаго населенія, потерявшаго своихъ кормильцевъ, почувствовали себя не одинокими, не брошенными на произволъ судьбы. Существовавшія съ давнихъ поръ городскія попечительства, представлявшія собой до того небольшія ячейки, которыя ограничивали кругъ своей дѣятельности узко-благотворительной помощью бѣднѣйшему населенію, — однимъ мощнымъ взмахомъ общественнаго подъема превратились въ могучія организации, проявили самую разностороннюю дѣятельность и создали то единеніе всѣхъ слоевъ общества, при которомъ выбитіе изъ строя опредѣленнаго числа кормильцевъ семей не поселяли безнадежнаго отчаянія въ сердцахъ ихъ близкихъ, не пускали по-миру голодныхъ женщинъ и дѣтей.

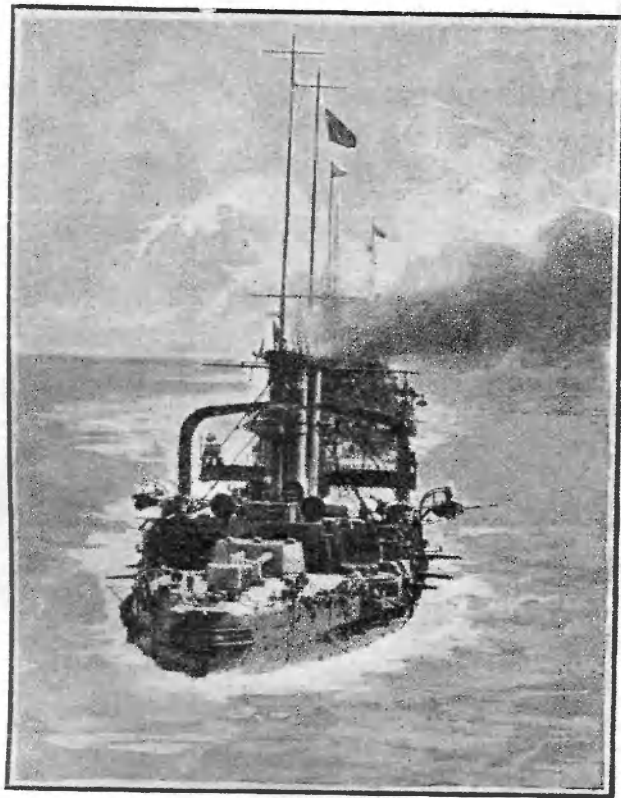
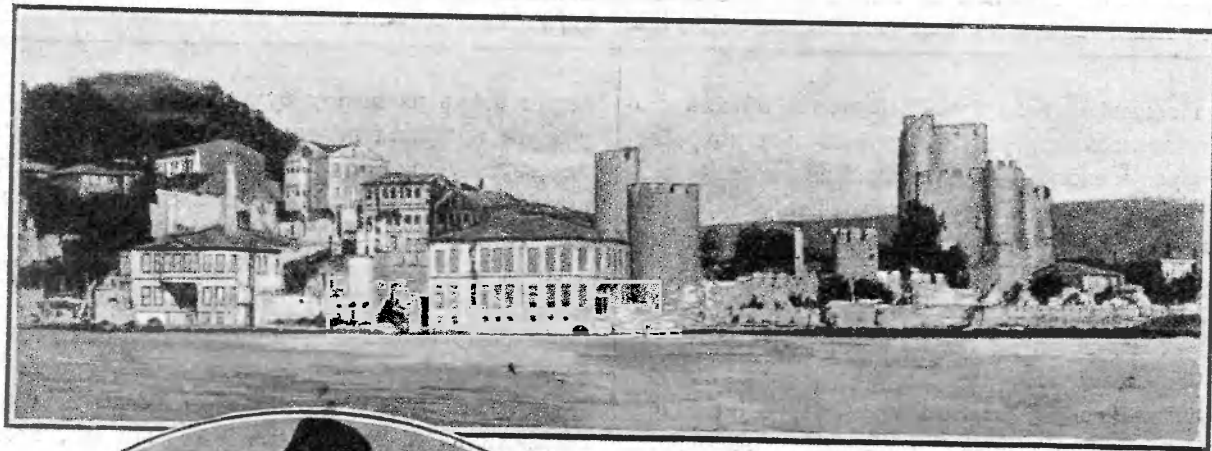
Раньше всего, въ силу новыхъ задачъ, выдвинутыхъ временемъ, кореннымъ образомъ измѣнилась самая сущность дѣятельности городскихъ попечительствъ. Тѣ слои общества, которые приняли горячее участіе въ этой работѣ, исходили изъ убѣжденія, что тѣ, кому они оказываютъ помощь — не нищие, не профессиональные бѣдняки, привыкше постоянно быть подъ опекой и получать милостыню въ той или иной формѣ, а люди, всю жизнь трудившеся и имѣвшие хотя бы и не вполне обеспеченное, но *самостоятельное* существованіе; что только силой временныхъ обстоятельствъ они поставлены въ необходимость прибѣгать къ общественной помощи, и что посему эти семьи людей, сражающихся и умирающихъ на войнѣ, заслуживаютъ и имѣютъ право на другое отношеніе, чѣмъ то, которое диктуется формально-благотворительной точкой зрѣнія. А потому городскія попечи-

тельства должны были выполнить задачу оказанія помощи не только *отрицательной* — не дать умереть съ голоду, холоду и т. д., — но и *положительной*: по мѣрѣ силъ и возможности и въ предѣлахъ ассигнуемыхъ городами средствъ оказывать эту помощь такъ, чтобы дать возможность семьямъ воиновъ сохранить свое хозяйство, сохранить хоть отчасти ту *норму* жизни, къ которой онѣ привыкли, и, такимъ образомъ, оказать имъ поддержку не только матерьяльную, но и моральную.

Потому попечительствамъ необходимо было не ограничиться кормленіемъ голодныхъ и одѣваніемъ нуждающихся въ платьѣ и обуви, а доставить своимъ новымъ клиентамъ возможность имѣть постоянную работу. И для этой цѣли, помимо сѣти бесплатныхъ столовыхъ, во всѣхъ концахъ города*) (всего попечительствъ — 20) открылись мастерскія, въ которыхъ стало изготовляться въ большихъ количествахъ бѣлье, платье, наиболѣе простая обувь (туфли); устроены были школы для сидѣлокъ, основана (въ 11-мъ попечительствѣ) артель женщинъ-полотеровъ, открыты бюро труда и посредническія конторы, а затѣмъ и общая для всего города биржа труда. Такимъ образомъ достигалось то, что тысячи женщинъ получили работу, а кромѣ того, больныя и неспособныя къ труду получали, помимо казеннаго пособия-пайка, денежное, вещевое и др. пособия, какъ-то: бесплатный обѣдъ, медицинскую помощь, даровыя лѣкарства, а наиболѣе немущія также и квартиру. Для выполнения всей этой работы понадобился огромный кадръ лицъ, — и надо было видѣть, съ какой готовностью взялись за работу учащеся вышнихъ, а кое-гдѣ и среднихъ учебныхъ заведеній, люди свободныхъ профессій, конторскіе служащіе и всѣ тѣ, кто располагалъ хоть минимумомъ свободного времени.

Надо отмѣтить одну чрезвычайно важную черту дѣятельности попечительствъ: чтобы устранить самую возможность *формальнаго* отношенія къ получающимъ помощь, а также для того, чтобы они не чувствовали себя въ качествѣ *просителей*, чьи ходатайства удовлетворяются по усмотрѣнію сидящихъ за кассой лицъ, въ нѣкоторыхъ городахъ попечительствами были заведены спеціальныя кадры обслѣдователей, которые лично обходили квартиры и углы своего района и воочью убѣждались въ той или другой нуждѣ своихъ клиентовъ. Благодаря та-

*) Останавливаемся на опытѣ Петрограда, гдѣ попечительская работа въ дѣлѣ оказанія помощи семьямъ воиновъ поставлена на надлежащую высоту.

1. Анаголи-Гиссаръ, у азиатскаго берега Босфора (вблизи форты и батарей, подвергнушіяся бомбардировкѣ со стороны русскаго флота). — 2. Турецкій султанъ Магметъ V передъ отъѣздомъ въ Бруссу. — 3. Англійская эскадра вступаегь въ дарданеллы, съ дредноутомъ „Inflexible“ во главѣ. — 4. Маршалъ Лиманъ фонъ Сандерсъ, „диктаторъ“ Турши.

кого рода общению, получалось сближение обихъ сторонъ, установилось довѣрѣ къ попечительскимъ работникамъ и устранено было то средостѣние, которое раздѣляло дающихъ помощь отъ получающихъ ее при формально-благотворительной дѣятельности. Прошло девять мѣсяцевъ. И подводя теперь итоги этой незамѣтной, но колоссальнаго значенія культурной работѣ, необходимо отмѣтить ея важность не только для периода военныхъ дѣйствій. Тѣ воины, которые вернутся къ своимъ семьямъ послѣ окончания войны, узнаютъ, что онѣ не были оставлены на произволъ судьбы, а встрѣтили, наоборотъ, самое горячее сочувствіе и помощь различныхъ слоевъ населенія. И это явится залогомъ дружескаго сотрудни-

чества всѣхъ на пользу будущаго процвѣтанія и всесторонняго прогресса родины. Тѣ же, кто во время войны отдалъ свой трудъ на благо неимущаго и пострадавшаго отъ военныхъ дѣйствій населенія, сохранять въ душѣ своей навсегда чувство выполненнаго гражданскаго долга и сознание установившейся близости съ подлиннымъ народомъ, что явилось результатомъ этой работы и, если невозможно было подобнаго рода работой устранить въ полной мѣрѣ *матеріальныя* затрудненія, вызваннаго военнымъ временемъ, *моральное* значеніе этихъ организацій, сыгравшихъ роль общественнаго клапана, несомнѣнно станетъ достояніемъ исторіи.

М.

ЦАРЬГРАДЪ.

Какъ судьбы выслѣдить въ лазурномъ небѣ!

Духъ ищетъ наугадъ.

Но бриттъ и галль кидаютъ нынѣ жребій

Твоей судьбы, Царьградъ.

Троянцевъ тѣни древнія, смотрите:

Вотъ рѣжутъ грудь морей

Ихъ корабли. Слетайтесь и зовите

Отцовъ и матерей.

Заутра бой. Недолго ждать разсвѣта,

Замрѣетъ моря гладь,

И вынесетъ васъ медленная Лета

На брегъ пировать.

Елена-Мать! Царица! Будь желанной

Въ послѣдній часъ.

На этотъ ниръ нослѣдній, необманной,

Благословляя насъ.

А. Скалдинъ.

ВАНЯ ЩЕГОЛЕКЪ.

РАЗС. ТЭФФИ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ В. БЪЛКИНА.

ВРАЧЪ былъ опытный. Осмотрѣвъ раненаго № 67, сказалъ:

— Отдѣлить и понаблюдать.

Я тоже стала опытная и поняла: „отдѣлать и понаблюдать“ значило, что номеру шестьдесятъ седьмому капутъ.

— До утра доживетъ? — спросила я тихонько.

Докторъ поморщился, двинулъ губами вбокъ, приподнял глаза и ничего не сказалъ. Это значило: — можетъ быть, но вѣрнѣе, что нѣтъ.

Мое дежурство кончится въ двѣнадцать ночи. Передамъ я его живымъ, — этотъ номеръ шестьдесятъ седьмой?

Его перенесли въ уголокъ около двери — иначе отдѣлать невозможно при нашей тѣснотѣ.

Онъ былъ очень молодой, какой-то весь яркій и горящій.

— Чего они на меня все морщатся? — сердито спросилъ онъ. — Думаютъ — я помру? Ничего я не помру. Такъ и скажи имъ, что не помру. Выдумали тоже. Некогда мнѣ.

— Что тебѣ некогда?

— Помирать некогда. Я домой поѣду. Пускай смерть за мной въ сѣгонь бѣжитъ. Я отъ ей утекну. Я ни-за-что не помру. Некогда мнѣ. Хочу домой. Дома красиво. Я и самъ баской.

Онъ повернулся, чтобы я видѣла его лицо. Дѣйствительно, красивъ былъ. Смуглый, быстроглазый, съ сросшимися союзными бровями — будто черная птица раскинула крылья.

Показалъ онъ лицо свое такъ просто, словно не его оно, а какая-нибудь посторонняя красивая вещь, что досталась ему случайно, онъ и радуется.

— Вотъ смотри.

Ну, что тутъ скажешь?

— Лежи тихо, не вертись. А то больно будетъ.

— Домой хочу. Все красиво будетъ. Ничего дрянного не хочу. Прочь его. Раскидаю направо, налево.

Онъ вдругъ раздвинулъ брови, полуоткрылъ ротъ, словно улыбнулся.

— А видала ты, сестрица, какъ лебеди пьютъ?! Дикіе лебеди. У насъ въ Сибири много. Не видала? Нужно съ подвѣтру тихо подойти, камышъ не рушить — ти-ихо. Онъ вѣдь не человѣкъ, онъ гордый, близко не подпустить. Тихонько смотри. А онъ грудью на воду ляжетъ, а той воды, что всѣ видятъ, да всѣ знаютъ, пить не станетъ. Онъ ударитъ клювомъ вправо, влево, размететъ брызгами, разобьетъ гладь — гей! — да въ самую въ сердцевину, въ нетронутую, въ невиданную, въ незнанную голову окунетъ. А ты смотри, не дыхни. Онъ — не человѣкъ, онъ гордый, онъ не подпустить. Ты не видала? Я видаль. А ты говоришь — помирать!

— Что ты, голубчикъ! Я не говорила. Богъ дастъ, поправишься.

— Пушай смерть въ сѣгонь бѣжитъ — утекну. Я, Ваня Щеголекъ, первый бѣгунъ, первый игрунокъ. Мнѣ некогда, мнѣ еще надо на полянку ходить, вѣдмеди смотрѣть. Луна свѣтитъ, томно ему. Лежитъ на спинѣ,

брюхо мохнато, лапы задралъ, гнилую корягу цапаетъ. Бренькаетъ гнилье, шепитса — брррынь. А вѣдмедь цапнетъ да слушааетъ и урлитъ — уррр... Поетъ, — ндравитса. А зимой въ мерлогѣ тихо у его. Тепло. Лапу сосетъ и сны снить. Снить, быдто лапу-то въ медъ запустилъ. Сосетъ. Сладко. А пчелы кругомъ такъ и звенять, такъ и гудять, заливаются. Шевельнулся, проснулся — анъ и не пчелы, а собаки, псы чловѣчьи надъ мерлогой брещуть, лаютъ, заливаются. Страхъ въ животъ подступилъ. Вскочилъ — и нѣтъ ничего. И все самъ на-снилъ. Обидитса, уляжетса, опять лапу засосетъ; вѣдмежий покой до весны сладокъ. А весной выльзетъ — худой, шерсть мотаеца, шкура-бура болтаеца — смѣхота. А ты говоришь — помирать.

— Помолчи-ка ты лучше, усни.

— Не хочу спать. Некогда мнѣ. Я домой хочу. Лѣсныхъ-то людей, небось, не видала? А я увижу. Наши-

то видали. Въ тайгу надо подальше, да поглыбже, низкомъ, ползкомъ по подкорью, топорикомъ врубаться, вѣшкой продираться, гадючкой прошныривать. А тамъ полянка, а на полянкѣ они и бывають. Сидятъ, лапти плетуть. Какъ выскочишь на-нихъ, сразу гони, пугай, не давай имъ другъ къ дружкѣ прицѣпиться, потому, лѣсной чловѣкъ каждый объ одной ногѣ. У одного правая, у другого лѣвая. Обнимутса вмѣстѣ и побѣгутъ. И загубить могутъ христіанскую душу. А какъ не дать имъ другъ до дружки добѣжать да спариться, тутъ они на одной ножкѣ прыгъ, скѣкъ да и свалятса. Тогда бери голой рукой, поясомъ вяжи, домой тащи, а онъ же и сказки, и пѣсни, и было-небыло, все. А ты говоришь — помирать. Мнѣ нельзя помирать, мнѣ некогда. Я Ваня Щеголекъ, первый бѣгунъ, первый игрунокъ. Пушай она за мной въ сѣгонъ бѣжить. Я утекну. Плечи у меня широкия, ноги крѣпкия и самъ я баской. Ни-за-что не помру.

Въ полночь смѣнили меня. А утромъ я снова пришла въ лазаретъ.

Спрашивать не хотѣлось. Пошла прямо къ тому мѣсту, къ углу около двери.

Кровать стояла бѣлая, тихая, ровная, застланная чистой, гладкой простыней.

Ровно, гладко... Нѣту Вани Щеголька.

Кончено.

...„Знаешь ты какъ лебеди пьютъ? Дикіе лебеди? Воду нетронутую, невиданную, незнающую?“...

Знаю.

Тэффи.

ПЬЕРЪ МИЛЛЬ.

КОЛЬЦО.

РАЗСКАЗЪ.

...Я встрѣчалъ почти каждый день на углу той же улицы моего квартала, въ тотъ же часъ, красиваго, высокаго старика... И каждый разъ у меня являлось желание поклониться ему, привѣтствуя въ его лицѣ армию Второй Империи. Какъ видно, онъ небогатъ: въ лѣвой рукѣ (правой онъ тяжело опирается на палку, такъ какъ ревматизмомъ ему свело ноги) онъ держитъ мѣшокъ для провизии, а въ немъ хлѣбъ, яйца и маленькій свертокъ въ восковой бумагѣ — должно быть, масло. Навѣрное, онъ самъ готовитъ свой несложный обѣдъ. А одѣтъ онъ какъ принцъ, или, вѣрнѣе, какъ одѣвались сорокъ лѣтъ тому назадъ полковники въ отставкѣ. Сѣрые военные брюки, шалевый жилетъ, прямой стоячий воротникъ, полузакрытый чернымъ галстукомъ, длинополый сюртукъ, болтающийся на его длинной, тонкой фигурѣ, и цилиндръ съ плоскими полями, слегка сдвинутый на бекрень. Его усы и жидкая борода, по модѣ Наполеона III, на чисто выбритомъ подбородкѣ, бѣлоснѣжно бѣлы. Такимъ я видѣлъ его каждый день, съ его мѣшкомъ для провизии, но онъ не замѣчалъ меня... Онъ глядѣлъ прямо передъ собой и, проходя мимо меня, хранилъ свой гордый и величественный видъ, какъ миллиардеръ, сторонящийся бѣднаго оборванца.

Вотъ почему мнѣ всегда хотѣлось поклониться ему, но я не смѣлъ. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, къ которымъ посмѣешь подойти, развѣ только въ томъ случаѣ, если дожурный офицеръ подойдетъ и скажетъ: „Полковникъ желаетъ съ вами говорить“.

Но наконецъ-то случай помогъ мнѣ познакомиться съ нимъ. Я встрѣтилъ его у изголовья раненаго въ томъ лазаретѣ, который я часто посѣщаю. И я сразу понялъ: этотъ солдатъ, которому возрастъ и болѣзни не позволяютъ идти на войну, этотъ бѣдный человѣкъ, которому нечего пожертвовать, предлагаетъ солдатамъ все, чѣмъ владѣетъ: свободное время и преданность. Когда онъ приходитъ въ лазаретъ — всѣ радуются. Въ его лицѣ старая армия привѣтствуетъ новую. Солдаты хвалятся, что не всѣ лазареты удостоиваются чести принимать такого важнаго гостя, и кто знаетъ, быть можетъ, они правы. Онъ предпочитаетъ раненыхъ кавалеристовъ,

ГЕРМАНИЗАЦІЯ БЕЛЬГИСКОЙ ШКОЛЫ.

Занявъ Бельгію, германцы энергично приступили къ онемеченію края и особенно къ германизации школы. Сотни бывшихъ учителей, находящихся нынѣ въ германской арміи, обучаютъ бельгійскихъ дѣтей нѣмецкому языку, на которомъ вводится преподаваніе.

такъ какъ самъ служилъ въ кавалеріи, да это и видно по немъ. Но всѣ выздоравливающе, съ перевязанными руками и ногами, собираются вокругъ него, сестры милосердія и сидѣлки присоединяются къ нимъ, если только свободны, и начинается оживленная бесѣда. У него такой галантный и внимательный видъ и онъ всегда разговариваетъ съ каждымъ въ отдѣльности. Онъ много спрашиваетъ, пытаясь понять современную войну. То, что онъ о ней узнаетъ, кажется ему страннымъ и непонятнымъ, а изрѣдка наполняетъ восхищеніемъ. Его изумленіе и восхищеніе равно льстятъ рассказчикамъ. Онъ много говоритъ самъ, онъ любитъ рассказывать. Вѣдь, у него такъ много воспоминаній. Наконецъ, онъ пишетъ подъ диктовку и относитъ письма: это — лучший секретарь и примѣрный вахмистръ. Порой, беря перо, чтобы написать письмо, диктуемое шопотомъ, онъ ласково обращается къ сидѣлкѣ: — „Оставьте насъ, пожалуйста, однихъ, мы пишемъ любовное письмо“.

Такимъ образомъ, онъ началъ развивать свою теорію: „Настоящій солдатъ долженъ быть влюбленъ. Это очень полезно для солдата. Это придаетъ ему жара“.

— Вы хотите доказательствъ, — сказалъ онъ намъ однажды. — Я случайно поступилъ въ армію. Въ двадцать лѣтъ я и не думалъ о ней, потому что въ послѣдніе годы Имперіи, послѣ побѣды у Маджента и Сольферино, всѣ надѣялись на вѣчный миръ. Быть солдатомъ, казалось намъ, значитъ проводить время въ кафе какого-нибудь гарнизона. Вотъ почему, выйдя изъ корпуса, я поѣхалъ въ Америку. Обуздывать лошадей въ пампасахъ, преслѣдовать индѣйцевъ и мексиканцевъ казалось мнѣ

единственной возможностью рисковать жизнью и вдыхать запах пороха. Но какъ только, въ 70 году, въ далекия равнины Колорадо долетѣло извѣстiе о войнѣ Германiи съ Францiей, я бросилъ шпоры ковбоя и помчался въ Европу. Мѣсяць спустя, я состоялъ при 3-мъ полкѣ кавалерiйскихъ стрѣлковъ.

Всякій ковбой моментально превращается въ хорошаго кавалериста, а я остался козбоемъ въ душѣ. До того, что говорилъ съ своею лошадью по-английски. Я сердился на самого себя за свою глупость. Очень надо было разговаривать по-английски съ пиренейской лошадью. А между тѣмъ это заслужило сначала внимание, а потомъ и дружбу капитана Х... Не называйте его имени, — обратился онъ ко мнѣ, генералъ Х..., командующий сейчасъ во Франци, его сынъ или племянникъ.

— Откуда вы знаете этотъ языкъ? — обратился онъ ко мнѣ однажды по-английски.

Я отвѣтилъ ему, что во время моего трехлѣтняго бродяжничества на дикихъ лошадяхъ по равнинамъ Восточной Америки я поневолѣ научился этому языку; и съ тѣхъ поръ онъ никогда не обращался

ко мнѣ иначе какъ по-английски. Я долженъ признаться, что говорилъ онъ на немъ, какъ сапожникъ. Я думаю, что говорилъ онъ по-английски только изъ любви и вѣрности, и что дама, о которой дальше будетъ рѣчь, была англичанкой. Впрочемъ, онъ никогда не изливался мнѣ, и это только мое предположенiе.

...Настали дни С.-Прива. 14 и 16 августа 3 полкъ стрѣлковъ не давалъ боя. Мы стояли на землѣ, подлѣ нашихъ лошадей. Батальонъ пѣхотныхъ стрѣлковъ, рядомъ съ нами, тоже стоялъ не двигаясь. Молодой помощникъ лейтенанта, маленькiй блондинъ съ розовой

кожей, нетерпѣливо размахивалъ саблей: — „Ну, что же это? Неужели мы такъ и не двинемся?“ — Наконецъ, 18-го вечеромъ, послѣ цѣлаго дня ожидания подлѣ градомъ пуль, мы получили приказъ отъ правой батареи, расположенной у самой церкви С.-Прива, атаковать. Но кого? Прусскихъ застрѣльщиковъ, которые рѣдкой прерывающейся цѣпью, совершенно неуловимые, взбирались

на скаты горъ. Это значило, идя на вѣрную смерть, атаковать пустое пространство. Не все ли равно! Нужно было задержать на нѣсколько минутъ наступленiе врага. Вотъ онъ — героическiя жертвы войны.

Мы пошли галопомъ въ атаку. Онъ такъ и стоитъ у меня передъ глазами — маленькiй, бѣлокурый помощникъ лейтенанта, который, насадивъ свое кепи на острие шашки, приветствовалъ насъ крикомъ: — „Да здравствуютъ французскiе стрѣлки!“ Его убили спустя нѣсколько минутъ, у самой церкви.

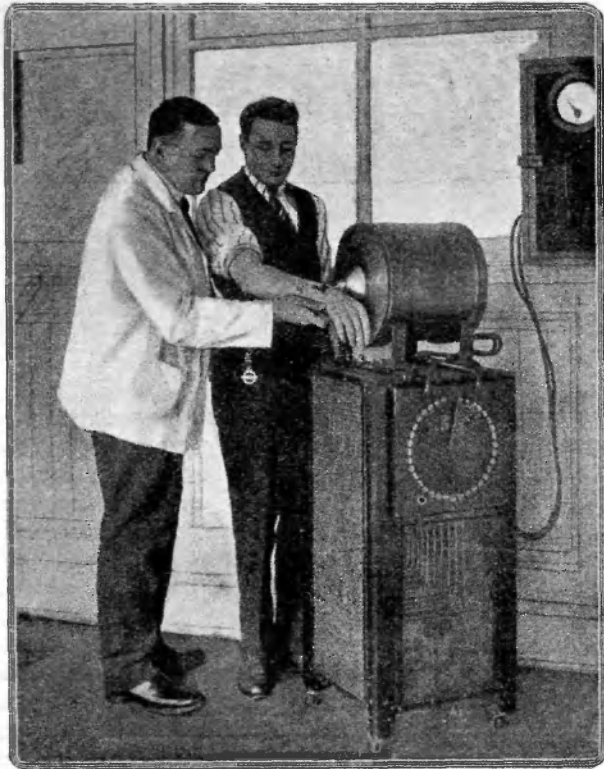
Не ждите описанiя моихъ впечатлѣний. У меня не было времени отдать себѣ въ нихъ отчетъ. Моя лошадь пробѣжала не болѣе 300 метровъ и, настигнутая снарядомъ, упала съ распоротой грудью на-земь.

Хотя я и былъ ловокъ тогда, какъ шестимѣсячный котенокъ, и ничего не повредилъ себѣ, падение меня сильно ошеломило. Я думаю, что пролежалъ около часа, не приходя въ себя, не видя и не слыша. Когда я, наконецъ, очнулся, то увидѣлъ, что на склонахъ, съ которыхъ спустились наши эскадроны, не было никого, кромѣ мертвыхъ тѣлъ. Трупы людей и лошадей покрывали землю. Рѣдкiя пули, царапая взрытую землю, поднимали легкiе столбы пыли. Неприятель все еще продолжалъ стрѣлять, чтобы не оставить за нами этой позици.

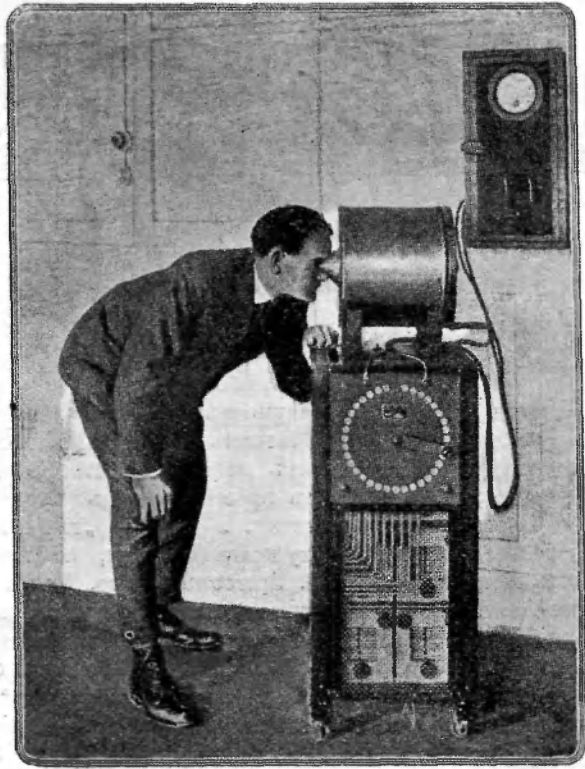
Я сразу понялъ, что не долженъ двигаться. Если я

ПИСЬМО СЪ ВОЙНЫ.

Въ английской, французской и бельгийской армияхъ употребляется нынѣ электромагнитъ при извлеченіи изъ ранъ осколковъ.
Извлеченіе осколковъ изъ руки.

Извлеченіе осколковъ изъ глаза.

встану, я пропасть. Нужно ждать, пока не прекратится огонь. Вдругъ я отчетливо увидѣлъ силуэтъ, въ которомъ безъ труда узналъ своего капитана, низко склоненнаго къ лошади. Она шла спокойнымъ медленнымъ шагомъ, какъ будто не чуя опасности. Капитанъ глядѣлъ по сторонамъ, то направо, то налево, совершенно, какъ ковбой, напавшій на слѣдъ быка.

Присутствіе живого человѣка придало мнѣ храбрости. Я поднялся и подошелъ къ нему:

— Капитанъ! — окликнулъ я его.

Онъ поднялъ голову и окинулъ меня взглядомъ только что проснушагося человѣка.

— Ахъ, это ты? Такъ ты не убитъ?

Его голосъ былъ такъ нѣженъ, какъ будто бы онъ говорилъ съ женщиной.

— Капитанъ, что вамъ здѣсь надо?

Я былъ страшно пораженъ его присутствіемъ здѣсь. Въ самомъ дѣлѣ, что могло ему понадобиться здѣсь, между труповъ?

— Я пришелъ за кольцомъ, — отвѣтилъ онъ глухимъ голосомъ. — Я ищу кольцо, которое потерялъ въ атакѣ. Если бы мнѣ отрубили обѣ руки — я повѣсилъ бы его на шею. Но я не нахожу его...

Онъ продолжалъ искать, наклонившись къ землѣ.

— Капитанъ, — сказалъ я ему. — Я вижу, васъ ни мало не беспокоитъ, что васъ могутъ здѣсь подстрѣлить изъ-за угла. Но вы забываете о томъ, что если сюда при-

дутъ пруссаки, они васъ даже не убьютъ, а возьмутъ въ плѣнъ. Это вѣдь нелѣпо, посудите сами.

Казалось, онъ не слышалъ меня.

— Капитанъ, — снова началъ я, — уже темно. Все равно, вы ничего не сможете найти.

— Ты правъ, — отвѣтилъ онъ, тяжело вздыхая. — Взберись-ка ко мнѣ на крупъ лошади и держись за мою портулю. Но, если бѣ ты зналъ, какое это для меня горе!.. Лучше бы я потерялъ ногу...

— Развѣ вы не находите, что это прекрасно, — закончилъ старый ветеранъ. — Когда пули свищутъ, когда врагъ близокъ, когда всѣ, оставшіеся въ живыхъ, успѣли спрятаться, а мертвые — покрываютъ поле сраженія, влюбленный, не замѣчая опасности, ищетъ на вспаханной кровью землѣ кольцо своей возлюбленной.

У сидѣлокъ затуманились глаза. „Ахъ, если бы меня такъ любили“, можно было прочесть въ глазахъ каждой изъ нихъ.

— Вотъ почему, повторяю снова, — сказалъ старый солдатъ — никто не любитъ такъ, какъ солдатъ на полѣ сраженія.

И окинувъ взглядомъ раненыхъ, прибавилъ:

— Уже изъ-за одного этого стоитъ побывать на войнѣ.

И солдаты дружно отвѣтили: „Да“.

Переводъ съ французскаго Е. Ц.

ХУДОЖНИКИ НА ФРОНТѢ.

Циклы эскизовъ и рисунковъ, привезенныхъ Е. Е. Лансере и М. В. Добужинскимъ съ нашихъ боевыхъ фронтовъ и выставленныхъ нынѣ обществомъ „Миръ Искусства“, не отвѣчаютъ преемственнымъ представлениямъ о батальномъ искусствѣ... Въмѣсто „творимой легенды“ великой войны, художники наши, по примѣру такихъ писателей, какъ В. Брюсовъ или гр. Ал. Толстой, отразили, точно на летучихъ листкахъ путевого дневника разрозненные облики и эпизодическія впечатлѣнія походной жизни, трезвую повседневность и обычную обстановку воинской страды, оживленную „топографію“ пламенѣющихъ окраинъ. Намѣренное самоограниченіе художника, поставившаго себѣ задачи освѣдомленія и собиранія подлинныхъ документовъ войны, опредѣляетъ характеръ работъ Е. Е. Лансере, послѣдовавшаго за нашимъ наступленіемъ до крайнихъ и опасныхъ его предѣловъ по всѣмъ главнѣйшимъ направлениямъ закавказской операціи.

Типы и одежда воиновъ и мѣстнаго населенія изображены съ острой и нѣсколько мелочной наблюдательностью добросовѣстнаго этнографа, въ духѣ натуралистической детализаціи, чеканной, суховатой и грузной, непривольно уносящей наше воображеніе на много лѣтъ назадъ, въ эпоху расцвѣта „передвижничества“, отличаетъ эти фигуры и группы ихъ спокойная статичность; пусть художникомъ изображаются иногда переходы по горнымъ тропамъ и дѣятельная работа въ окопахъ, мы почти не встрѣчаемъ здѣсь попытокъ свести къ выразительному упрощенію „профессиональныя движенія воиновъ, грозную и своеобразную динамику боя. Въ рядѣ „боевыхъ ландшафтовъ“, величавый кавказскій пейзажъ, захватившій художника суровой грандиозностью масштабовъ заслоняетъ отъ зрителя своими суровыми и поэтическими обликами кровавую человѣческую драму... Лишь подписи къ акварелямъ, названія: Верхній Сарыкамъышъ, Архава или Ольты звучатъ для насъ металлическимъ гуломъ фанфаръ.

Тотъ же характеръ импровизаціи, замѣтокъ и былыхъ наблюдений носятъ и работы М. В. Добужинскаго, скитавшагося по Галиціи и Польшѣ. Работы эти частично извѣстны уже публикѣ. Въ нихъ нѣтъ той реалистической уплотненности, той нѣсколько педантичной отдѣлки „на совѣсть“, что мы видимъ у Е. Е. Лансере. Солдатскіе и крестьянскіе типы фиксированы въ элегантныхъ и еще нѣсколько робкихъ очертаніяхъ (недаромъ мастеръ условнаго стиля переживаетъ здѣсь свой „медовый мѣсяцъ“ съ живой дѣйствительностью). Картины разрушенія и гибели овѣяны безбурнымъ поэтическимъ раздумьемъ. Плетеніе проволочныхъ загражденій рисуется у Добужинскаго съ изяществомъ игрушки и четкостью графическаго арабеска.

Задачу — удовлетворить страстно напряженное любопытство общества ко всякому живому отголоску войны, Е. Е. Лансере и М. В. Добужинскій выполнили въ полной мѣрѣ. Они избѣжали пошлой бравурности присяжныхъ баталистовъ. *Художественныя* же задачи, связанныя съ войной, еще ждутъ разрѣшенія.

Для выполнения ихъ, быть можетъ, даже не необходимы конкретныя впечатлѣнія съ фронта. Павось народа, подъявшаго бремя войны можетъ быть воплощеннымъ художникомъ въ одной лишь монументальной симметрии композиціи, въ согласномъ и внушительномъ ритмѣ красочныхъ массъ и линий, въ обобщенномъ жестѣ даже единого героя. Явленіе мастера (я такого не знаю), способнаго воплотить во внятныхъ для cadaго символахъ обновленную небывалымъ подъемомъ душу страны, — будетъ поворотной точкой въ исторіи отечественнаго искусства.

* * *

Въ томъ же помѣщеніи, на Марсовомъ полѣ, помѣстилась и небольшая выставка подъ весьма своеобразнымъ названіемъ: „Выставка картинъ лѣвыхъ теченій“. Участники недаромъ пользуются политической терминологіей; они, дѣйствительно, дѣлаютъ „художественную политику“, притязая на наслѣдство „Мира Искусства“, уже завершившаго кругъ своихъ возможностей... Правда, отчетная выставка представляется не столько завоевательной кампаніей, сколько случайнымъ и слабымъ подготовительнымъ набѣгомъ. Нѣтъ настоящей „коллективности“ въ этой демонстраціи, нѣтъ единого идеологическаго стержня. Наряду съ попытками обдуманнаго построенія картины (напр. у Грищенко) съ довольно конструктивными этюдами пейзажа (Мильманъ) преобладаютъ подражательныя благоглупости, эксцентричности, предназначенныя шекотать коснаго и нетерпимаго будто бы буржуа. Какое заблужденіе! Современный буржуа терпимъ безпредѣльно; его терпимость можно уподобить только его безграничному равнодушію къ подлиннымъ задачамъ искусства. Будто бы дразня его, вы его тѣшите, наклеивая на холстъ коробку папиросъ, льстите ему и ублажаете его, падкаго нѣ скандалъ, любящаго сознавать свое благоразумное превосходство надъ вами...

Ноту новизны вносить „Москва“ Лентулова, несмотря на все легкомысліе его ежегодныхъ преображеній и уклоновъ: въ геометрическомъ хаосѣ пестрыхъ граней, въ веселой пляскѣ цилиндровъ дѣйствительно есть нѣчто отъ цвѣтистой, звонкой и изобильной души Первопрестольной.

Андрей Левинсонъ.

Александр Николаевич СКРЯБИНЪ.

† 14 апрѣля 1915 г.

Внезапная кончина А. Н. Скрябина произвела глубочайшее впечатлѣніе на широкіе слои русскаго образованнаго общества. Еще за десять дней до роковаго 14 апрѣля Скрябинъ выступалъ въ Маломъ Залѣ Консерваторіи передъ петроградской публикой, и не было конца восторженнымъ овациямъ. Ничтожная царапина, вызвавшая зараженіе крови, унесла черезъ нѣсколько дней въ могилу художника, съ именемъ котораго связаны были лучшія надежды русскаго музыкальнаго искусства.

Жизнь Скрябина не богата внѣшними событиями. Онъ родился 29 декабря 1871 года въ Москвѣ. Музыкальный даръ его сталъ проявляться очень рано, но, согласно семейной традиціи, мальчикъ отданъ былъ въ кадетскій корпусъ. Въ военной обстановкѣ онъ, однакожъ, не переставалъ заниматься музыкальнымъ искусствомъ, беря уроки у С. Н. Танѣва. Впослѣдствіи Скрябинъ перешелъ въ Московскую консерваторію, которую блестяще окончилъ по классамъ фортепiano и теории композиціи. По завершени своего музыкальнаго образования онъ примкнулъ къ кружку композиторовъ новой русской школы, объединившихся вокругъ идейнаго издательства М. П. Бѣляева (въ составѣ „бѣляевцевъ“ числились Римскій-Корсаковъ, Глазуновъ, Лядовъ и др.). Вскорѣ въ передовыхъ кругахъ русскаго музыкальнаго общества стали говорить о „новой звѣздѣ первой величины, засіявшей въ Москвѣ“ (подобную запись мы находимъ въ „Лѣтописи“ Римскаго-Корсакова). А. Н. Скрябинъ приглашенъ былъ профессоромъ въ Московскую консерваторію. Однако, его преподавательская дѣятельность длилась всего лишь пять лѣтъ. Въ 1903 году, особенно плодотворномъ въ творческомъ отношеніи (въ этомъ году имъ написаны были 10 замѣчательныхъ опусовъ №№ 32—42 для фортепiano), молодой мастеръ рѣшилъ оставить профессуру и посвятить себя всецѣло композиторской работѣ. Съ 1904 года Скрябинъ жилъ за границей.

Это тяготѣніе къ западу обусловливается всѣмъ складомъ его художественной индивидуальности, и наврядъ ли кто-нибудь изъ русскіхъ композиторовъ по духу своему былъ болѣе близокъ къ обновительнымъ тенденціямъ западноевропейскаго звукотворчества, какъ А. Н. Скрябинъ. Быть можетъ, будущій историкъ музыкальнаго искусства опредѣлитъ его значеніе, какъ наиболѣе глубокаго выразителя тѣхъ художественныхъ идей, послѣдовательныя фазы развитія которыхъ мы находимъ у лучшихъ представителей западнаго музыкальнаго романтизма. Его артистическая индивидуальность ближе всего ошущала себя къ душѣ Шопена и Вагнера, пѣвца Тристана.

Съ огромной смѣлостью и вкусомъ онъ обогащаетъ ихъ гармоническое на слѣдіе введеніемъ никому до него неизвѣстныхъ звукосочетаній. Онъ заставляетъ произвести переоцѣнку всѣхъ музыкальных цѣнностей, подойти къ вопросамъ самаго существа звуковой логики.

Временами стремленіе къ музыкальной новизнѣ проявлялось такъ сильно, что композиціи его казались нарочитыми, тенденціозными. Но для тѣхъ, кто умѣлъ подойти къ живой личности Скрябина, въ изощренности и нѣкоторой манерности его письма чувствовалось вѣяніе пророческаго духа, вѣщающаго о чемъ-то страшно далекомъ отъ дѣйствительности, но страшно близкомъ сердцу.

Всего Скрябинымъ написано 74 опуса, большинство которыхъ поэтичнѣйшія небольшія пьесы для рояля, 10 сонатъ для этого инструмента, 3 симфоніи и 2 симфоническія поэмы, представляющія кульминаціонную точку его творчества. Неоконченной осталась грандіозная мистерія „Предварительное дѣйствіе“, въ которой гениальный композиторъ предполагалъ осуществить свой идеалъ новаго вселенскаго искусства, объединяющаго въ творческомъ актѣ толпу и художника.

—до.

ГРУППА ОТЛИЧИВШИХСЯ АНГЛІЙСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ 20-ГО ЛОНДОНСКАГО ПОЛКА.

Страничка изъ исторіи англійскаго и германскаго военныхъ флотовъ.

Съ постройкой англичанами перваго броненоснаго корабля новаго типа, принятаго теперь во всѣхъ флотахъ, возникъ у строителей вопросъ о наиболее целесообразномъ расположеніи по корпусу судна главнаго артиллерійскаго вооруженія, т. е. о разстановкѣ орудійныхъ башенъ.

До той поры броненосцы вооружались обычно четырьмя 12'' орудіями (или 11'' и 10''), размѣщенными въ двухъ башняхъ по два — на кормѣ и на носу, и 10—16 орудіями среднихъ для морской артиллеріи калибровъ (6''—8''), при чемъ тяжелая артиллерія при посредствѣ вращения съ башнями могла дѣйствовать полностью на любой бортъ, а средняя раздѣлялась большей частью по 5—8 орудій на каждый изъ бортовъ.

Принципъ вооруженія корабля, съ расчетомъ, главнымъ образомъ, только на краткій эскадренный бой, т. е. тяжелой артиллеріей въ соединеніи съ противоминной и полное изъятіе среднихъ, переходныхъ калибровъ, дѣйствительныхъ на небольшихъ сравнительно разстояніяхъ, — естественно требовали такого размѣщенія башенъ на суднѣ, при которомъ корабль, стрѣляя бортомъ, могъ бы развивать разомъ всю силу своего огня: орудія, молчащая въ бою, орудія такъ себѣ — про запасъ — конечно нежелательны, являясь

сомнительнымъ резервомъ, использованіе коего весьма проблематично, ибо, какъ показалъ опытъ русско-японской войны, во время боя они подвергаются опасности быть испорченными въ одинаковой степени съ орудіями дѣйствующими, и въ нужный моментъ могутъ оказаться выведенными изъ строя, не сдѣлавъ до того ни единого выстрѣла.

Но поставленную задачу не такъ-то легко было разрѣшить, а потому и разрѣшили ее не сразу. Сперва англичане пошли на компромисъ: поставивъ на первое судно новѣйшаго типа десять 12'' орудій, они все же дали одновременный огонь по любому борту только восьми изъ нихъ: двѣ башни должны были смѣнять одна другую... Сдѣлать иначе, т. е., напрямѣръ расположить башни по одной прямой линіи отъ носа къ кормѣ, не позволяли размѣры судна: „Dreadnought“, имя котораго стало теперь нарицательнымъ, былъ всего только на 1400 тоннъ больше своего предшественника „Lord Nelson“а, а тотъ имѣлъ не пять а двѣ двухорудійныхъ башни тяжелаго типа. Увеличить же сразу на много водоизмѣщеніе и длину корабля было опасно: въ то время еще только вырабатывались тѣ особенно прочные (въ смыслѣ конструктивномъ) сорта стали, изъ которыхъ корабли строятся те-

перь. Поэтому, при разрѣшеніи поставленной задачи, англичане должны были или сократить число башенъ на одну (помѣстивъ въ двухъ башняхъ не по два, а по три орудія, какъ это предлагалось Куниберти) или поступить такъ, какъ они поступили, т. е. оставить одну башню въ резервѣ.

Мы не будемъ здѣсь говорить, по какимъ именно причинамъ была ими отвергнута система Куниберти: вопросъ о предпочтеніи тѣхъ или иныхъ башенъ теоретически весьма споренъ; но полагаемъ, что англичане, при ихъ крайней осмотрительности и богатомъ морскомъ опытѣ, имѣли уважительныя причины отказаться отъ трехорудійныхъ башенъ.

„Dreadnought“.

Прилагаемый чертежъ показываетъ, какъ именно размѣщены башни на „Dreadnought“ѣ.

Заложивъ названное судно въ декабрѣ 1905 года и закончивъ его въ октябрѣ 1906, англичане вслѣдъ за нимъ приступили къ постройкѣ еще 6 судовъ приблизительно того же типа („Téméraire Cl.“ и „St. Vin-

ГРУППА ГЕОРГИЕВСКИХЪ КАВАЛЕРОВЪ.

sept Cl.*). Длина первыхъ трехъ равнялась длинѣ „Dreadnought“а (520 ф.), а вторые три были на 10 футовъ длиннѣе (530 ф.). Столь незначительное удлиненіе во второмъ классѣ не давало еще англичанамъ возможности примѣнить на послѣднихъ трехъ судахъ какое-либо иное расположение орудій, да и раздумывать было некогда: принятіе германскимъ рейхстагомъ новой морской программы заставляло торопиться съ отстройкой закладываемыхъ судовъ; „Téméraire“ и „St. Vincent“ вошли въ строй съ тѣмъ же недостаткомъ, съ какимъ вошли ихъ прототипы, т. е. съ возможностью одновременной стрѣльбы только восемью орудіями изъ десяти несомыхъ.

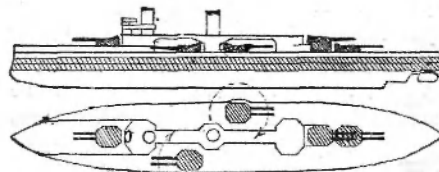
Слѣдующими по времени постройки линейными кораблями были у англичанъ „Neptune“, заложенный въ январѣ 1909 г. и „Colossus“ съ „Hercules“омъ (юль и августъ 1909). Длина ихъ равняется 540 футамъ, т. е. всего на 20 футовъ больше, чѣмъ у „Dreadnought“а, но эти лишніе 20 футовъ уже позволили англичанамъ впервые размѣстить башни такъ, какъ имъ хотѣлось, а не какъ заставляли обстоятельства.

„Neptune“ былъ первымъ линейнымъ кораблемъ, стрѣлявшимъ всею наличностью десяти тяжелыхъ орудій на одинъ бортъ.

Достигнуто это было постановкой двухъ среднихъ башенъ, хотя еще не по цен-

тральной линіи, а у бортовъ, но уже не рядомъ одна съ другою, а наискось, съ вращеніемъ ихъ на оба борта. При этомъ одна изъ нихъ поворачивалась по направленію отъ середины судна къ носу, другая же отъ середины къ кормѣ, т. е. въ разворотъ.

Установка такого рода очень удобна въ томъ отношеніи, что даже при близкомъ расположеніи одной башни отъ другой, каждая изъ нихъ имѣетъ абсолютно-чистое поле вращенія, внѣ всякой зависимости отъ позиціи сосѣдней. И если одна изъ нихъ будетъ подбита на поворотѣ, то ея орудія не помѣшаютъ другой, въ случаѣ надобности, повернуться съ праваго борта на лѣвый или обратно.

„Neptune“.

На чертежѣ пунктиромъ нами очерчены поля вращенія башенъ, а стрѣлки показываютъ направленіе ихъ поворотовъ. Этотъ чертежъ достаточно разъясняетъ только что сказанное по поводу „Neptune“а.

На „Colossus“ѣ и „Hercules“ѣ англичане повторили эту же комбинацію ба-

шенъ, а съ типа „Ogion“ перешли къ системѣ расположенія ихъ по одной линіи. Послѣ „Ogion“а ими построены „King George V“, „Iron Duke“ и „Queen Elisabeth“, при чемъ первый изъ нихъ длиннѣе „Dreadnought“а на 24½ фута, второй на 76, третій на 100, а четвертый на 130. Постепенное удлиненіе корпусовъ давало англичанамъ возможность вносить все новыя и новыя поправки въ деталяхъ этого простѣйшаго линейнаго расположенія, но касаться ихъ мы сейчасъ не будемъ, въ виду специфическаго интереса означенныхъ поправокъ.

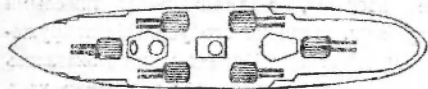
Передъ германцами, при началѣ постройки ими дредноутовъ, встала та же задача, что и передъ англичанами: — о башняхъ.

Германія заложила въ 1906—1907 годахъ первые четыре корабля новаго типа, („Westfalen“) и рѣшила вооружить ихъ не десятью, а двѣнадцатью тяжелыми орудіями. Однако это усиленіе вооруженія противъ англійскихъ типовъ оказалось простымъ хвастовствомъ: все равно, какъ и у англичанъ, у нѣмцевъ по одному борту могли стрѣлять только восемь орудій (см. чертежъ), а вынужденный и обременительный резервъ увеличился вдвое. Обременительнымъ мы называемъ его потому, что шестая башня, перегрузивъ судно, отозвалась на его ходѣ и уменьшила остойчивость корабля. Нѣмцы это въ слѣдствіи хорошо поняли, и повторивъ

Автомобиль для водныхъ и сухопутныхъ передвиженій, примѣняемый въ австро-венгерскихъ войскахъ.

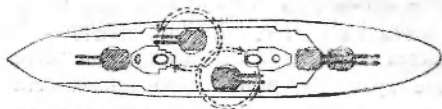
еще въ „Geigoland“ въ расположеніе башенъ по „Westfalen“ у въ типъ „Kaiser“ попробовали поставить башни такъ, какъ англичане, приблизительно, поставили ихъ на „Neptune“ въ. Но что хорошо удалось англичанамъ, то плохо удалось нѣмцамъ. Пусть ихъ морскіе авторитеты красно и внушительно доказывали, что главное въ вооруженіи заключается не въ подавленіи противника количествомъ, а въ умѣломъ расположеніи хотя бы равнаго съ врагомъ числа орудій, но такъ, чтобы ихъ разомъ и въ любой моментъ можно было использовать полностью, пусть они даже согласились сократить на „Kaiser“ число орудій противъ „Westfalen“ а и „Geigoland“ а на два (10 вмѣсто 12), — эти же самые авторитеты, несмотря на то, что „Kaiser“ былъ длиннѣе „Neptune“ а на

„Westfalen“.

цѣлыхъ 24 фута, не сумѣли съ достаточнымъ умѣньемъ и разсудительностью по-

мѣстить машины „Kaiser“ а, его дымовыя трубы и разныя палубныя надстройки и имъ пришлось среднія орудійныя башни ставить не въ разворотъ, какъ у англичанъ на „Neptune“ въ, а на поворотъ къ центру судна, т. е. отъ кормы и носа къ се-

„Kaiser“.

редингъ. Чертежъ весьма наглядно показываетъ, какая здѣсь является опасность: если обѣ башни будутъ обращены на одинъ бортъ и во время сраженія одна изъ нихъ утратитъ способность вращения, а по ходу боя потребуются открыть огонь другимъ бортомъ, то уцѣлѣвшая средняя башня не сможетъ этого сдѣлать; ей будутъ мѣшать вытянутыя орудія подбитой башни, просто не пропуская ее описать нужный поворотъ. Такимъ образомъ среднія башни „Kaiser“ а взаимно уменьшаютъ свои боевыя способности.

Подобное упущеніе въ расчетахъ является въ дѣлѣ военнаго судостроенія ошиб-

кой крайне рѣдкой, весьма грубой и непростительной, тѣмъ болѣе, что въ классѣ „Markgraf“, вошедшемъ въ строй только осенью 1914 года, нѣмцы повторили свою ошибку, а затѣмъ, такъ и не найдя соотвѣтственной „Neptune“ у комбинаціи, въ строящемся нынѣ „T“ перешли къ четырехбашенной системѣ.

Ошибками такого рода пестритъ исторія германскаго военнаго судостроенія. Мы, по рекламѣ самихъ нѣмцевъ, привыкли слѣпо считать ихъ хорошими техниками, но приведенный эпизодъ показываетъ обратное и даже въ значительной степени отнимаетъ у нихъ право именоваться моряками. О, недаромъ англичане заявляютъ, что нѣмцы моряками никогда не были и никогда не будутъ: англичане знаютъ достаточное число слабыхъ сторонъ и уязвимыхъ мѣстъ германскаго морскаго дѣла, и англійскіе моряки не задаютъ себѣ вопроса: „почему нѣмцы сидятъ у Гельгоlanda?“ Будь иначе, т. е. отваживайся нѣмцы на болѣе частыя и не случайныя выступленія своего флота — можно было бы спрашивать — зачѣмъ они это дѣлаютъ?“

А. С.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ.

Наша торговля съ Соединенными Штатами Америки.

Въ русско-американскомъ товарообмѣнѣ до сихъ поръ большое значене имѣли нѣсколько опредѣленныхъ товаровъ. Изъ привозныхъ къ намъ американскихъ — хлопокъ и уборочныя сельско-хозяйственныя машины; изъ вывозныхъ нашихъ — всякое сырье; солодковый корень, сивушное масло, шерсть, кожи, волосъ. Война открыла широкую возможность усиления русско-американской торговли и полного устранения посреднической роли Германии въ этой торговлѣ.

Еще недавно по даннымъ германскаго харбинскаго консула одинъ Харбинъ получалъ изъ Германии ежегодно товаровъ на 8 мил. руб., а одновременно съ этимъ черезъ Владивостокъ, Дайренъ и Тяньцзинь шло въ Германию наше сибирское сырье. Теперь Германия быстро теряетъ наши дальневосточные рынки. Крупнымъ замѣстителемъ нѣмцевъ начинаетъ выступать Америка. Въ Владивостокъ начинаютъ прибывать громадные транспорты американскихъ товаровъ, которые пойдутъ на удовлетворене мѣстныхъ нуждъ, а частью транзитомъ въ Европейскую Россю. — Начинается также усиление нашего экспорта въ Америку.

Во что обойдется годъ войны?

Въ лондонскомъ королевскомъ статистическомъ обществѣ прочитанъ былъ недавно секретаремъ ливерпульской биржи Креммондомъ докладъ о стоимости года войны. По мнѣнью докладчика
Прямые расходы союзниковъ по его ис-

численно достигнуть къ этому времени 18.979 миллиардовъ руб.

Прямые расходы нашихъ враговъ составить 15 милл. руб., изъ которыхъ на долю Германии приходится 9.380 милл. и Австро-Венгрии 5.620 милл.

Прежняя войны стоили значительно меньше. Напримѣръ, франко-прусская 6.420 милл. руб., крымская 3.400 милл. руб. Креммондъ дѣлаетъ попытку присоединить къ этимъ подсчетамъ также косвенные расходы: стоимость разрушеннаго имущества и капитализированную цѣнность убитыхъ людей. Въ результатѣ стоимость войны выражается въ чудовищныхъ цифрахъ: для союзниковъ — 48.770 милл. руб., для Германии и Австрии 42.770 милл. руб., такимъ образомъ, общая сумма расходовъ и убытковъ составитъ 91.480 миллиардовъ рублей. Да не забудетъ читатель, что 1 миллиардъ — это тысяча миллионъ! Полная цифра выглядит такъ: стоимость годовой войны равняется 91.480.000.000 руб.

Война и населеніе Берлина.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ бюро г. Берлина опубликовало данныя о движеніи населенія за 1914 годъ. Цифры свидѣлствуютъ сильномъ пониженіи числа жителей прусской столицы. Сейчас же съ возникновеніемъ войны число берлинцевъ уменьшилось съ 2.053.302 до 2.010.580 человекъ (въ июль), при чемъ дальнѣйшее сокращеніе этого числа происходило непосредственно за очередными призывами. Въ декабрь 1914 г. населеніе Берлина равнялось уже 1.982.157. Средняя мѣсячная численность жителей составляла въ

1913 г. 2.082.111 человекъ, въ 1914 г. — она составляла въ среднемъ 2.039.369.

Число браковъ сначала сильно повысилось. За одинъ августъ 1914 г. въ Берлинѣ было заключено 5.793 брачныхъ договоровъ, изъ которыхъ приблизительно 4.500, продланные на спѣхъ, относятся къ такъ называемымъ „военнымъ вѣнчаніямъ“, для обезпеченія правъ. Въ слѣдующіе мѣсяцы брачность вошла въ обычную норму, составляя въ среднемъ 22.702 случая въ 1914 г., противъ 21.194 — въ 1913 г.

Рождаемость понизилась.

Въ 1914 г. родилось въ Берлинѣ 20.198 мальчиковъ и 18.855 дѣвочекъ — вмѣстѣ 39.053 дѣтей противъ 42.501 въ 1913 г. и 44.326 въ 1912 г. Эта понижительная тенденція проявлялась въ Германии неуклонно за послѣдніе годы.

Германская контрабанда.

ИТАЛЬЯНСКАЯ газета „Socolo“ сообщаетъ, что Германия получаетъ контрабанднымъ путемъ товары черезъ своихъ агентовъ въ Испани, Итали и Голланди. Импортъ производится слѣдующимъ образомъ. Въ Барселонѣ въ Испани сосредоточиваются привезенные продукты, мѣдъ, цинкъ и др. — нужные въ данный моментъ. Изъ Барселны они отправляются моремъ въ Геную, а изъ Генуи нѣмецкіе агенты быстро грузятъ этотъ товаръ, адресованный въ Амстердамъ via Швейцарія. Какъ только швейцарскія дороги довозятъ товаръ до Германской границы, товаръ задерживается, а услужливыя фирмы въ Амстердамѣ сообщаютъ отправителю о получении товара. Контрабандный грузъ, уходящій изъ одной нейтральной морской станціи черезъ другую нейтральную морскую станцію, не можетъ быть задержанъ.

Редакторъ-издатель З. И. Гржебинъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 13. М. Нѣкоторые итоги. — А. Скалдинъ. Царьградъ. Стихи. — Тэффи. Ваня Щеголѣкъ. Разказъ. — Пьеръ Милль. Кольцо. Разказъ, пер. Е. Ц. — Андрей Левинсонъ. Художники на фронтѣ. — до. Александръ Николаевичъ Скрябинъ. — А. С. Страничка изъ исторіи англійскаго и германскаго флотовъ. — Экономическая жизнь.

Перепечатка статей, разказовъ и иллюстрацій допускается только съ указаніемъ источника.

ОТЕЧЕСТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛѢТОПИСЬ ЖИЗНИ.

Въ знаменательный историческій моментъ, когда всѣ народы, населяющіе нашу родину, въ борьбѣ съ врагами выковываютъ счастье и величіе Россіи, журналъ „Отечество“ ставитъ своей задачей всестороннее освѣщеніе событій творящейся жизни. Удѣляя преимущественное вниманіе вопросамъ будущаго строительства родины, „Отечество“ девизомъ своимъ ставитъ: мирное сожителство, преуспѣяніе и равенство всѣхъ гражданъ Россіи, всѣхъ народовъ ея. Въ развитіи культурно-національных цѣнностей каждой отдѣльной народности — залогъ величія объединяющей всѣ эти народности Россіи, которая является отечествомъ для всѣхъ.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала участвуютъ:

Н. Альтманъ, Б. Анисфельдъ, Ю. Анненковъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, И. Бродскій, В. Бѣлкинъ, М. Добужинскій, Н. Кульбинъ, Б. Кустодіевъ, Г. Нарбутъ, П. Наумовъ, А. Радаковъ, Ре-ми, Н. Рерихъ, И. Е. Рѣпинъ, Л. Пастернакъ, М. Соломоновъ, С. Судейкинъ, О. Шарлемань и др.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала помѣстили свои произведенія:

Леонидъ Андреевъ, К. К. Арсеньевъ, А. А. Ахматова, А. Н. Бенуа, И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Ал. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Ив. Бунинъ, проф. П. Г. Виноградовъ, М. О. Гершензонъ, М. Горькій, Г. Гребеншиковъ, А. С. Гринъ, Н. С. Гумилевъ, Любовь Гуревичъ, Л. Добро-нравовъ, Е. А. Зноско-Боровскій, Вяч. Ивановъ, А. Изгоевъ, Игорь-Сѣверянинъ, Д. А. Крюковъ, П. Н. Милуковъ, М. Моравская, Г. Г. Перетцъ, О. Персицъ, проф. Б. Пэрсъ, С. Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, П. Рыссъ, М. А. Славинскій, Федоръ Сологубъ, В. Б. Станкевичъ, П. Б. Струве, В. Танъ, М. Толмачева, Тэффи, С. Л. Франкъ, А. Чапыгинъ, Алек. Чеботаревская, Ан. Чеботаревская, Г. И. Чулковъ, Вяч. Шишковъ, Г. Н. Штильманъ, П. Е. Шеголевъ.

Редакторъ-Издатель *З. И. ГРЖЕБИНЪ.*

Непринятая рукопись не возвращается.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЪ ЖУРНАЛѢ

ОТЕЧЕСТВО

принимаются въ главной конторѣ, Невскій 55, тел. 248—77, по цѣнѣ за строку нонпареля: до текста 1 р. 20 к., послѣ текста 80 к., за страницу 300 р. Публикаціи въ краскахъ, по рисункамъ художниковъ, по соглашенію. По первому требованію (можно по телефону) главная контора командируетъ агентовъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой

на годъ	на полгода	на три мѣсяца
4 р.	2 р. 25 к.	1 р. 25 к.

ПРОБНЫЙ № ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА 15 КОП. МАРКАМИ.

Пріемъ подписки производится во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ Имперіи.

Въ отдѣльной продажѣ 10 коп. номеръ.

На станц. жел. дор. 12 коп.

Требуйте у газетчиковъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Петроградъ, Невскій пр. 55, телеф. 248-77.

Адресъ для телеграммъ: Петроградъ, „ОТЕЧЕСТВО“.

Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразование“. Петроградъ, Забалканскій пр., 75.

